

КАНИКУЛЫ 1844 ГОДА.

КАНИКУЛЫ 1844 ГОДА,

У 79
766

ИЛИ

ПОѢЗДКА ВЪ МОСКВУ.

СОЧИНЕНІЕ

Александры Ишиловой.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1846.

1320545

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 4 Декабря 1848 г.

0007080235

, И. Исаковский.

КАНИКУЛЫ.

Наконецъ, любезная сестрица, давнишнее желаніе твое исполнилось: я начинаю писать журналъ мой. Сколько разъ ты просила меня объ этомъ, и сколько разъ я принималась исполнить твою просьбу, и опять оставляла это намѣреніе, не отъ того, чтобы у меня было мало терпѣнья на это дѣло, но, право, скучно писать, когда никто не будетъ читать написаннаго. Ты вѣрно побранишь меня за это чувство, совершенно женское: пожалуй брани, только я съ моею, можетъ быть слишкомъ искреннею душею, всегда удивлялась журналу.

для себя писанному. Какая цѣль его? Счастливые дни и часы мы помнимъ до самой смерти не записывая ихъ, а несчастные — чѣмъ скорѣе забудутся, тѣмъ лучше! Потомъ, скажи мнѣ, какой конецъ такого журнала? Не надобно ли будетъ со временемъ сжечь его? Какая же польза въ существованіи его, никому неизвѣстномъ?... Но какая разница съ журналомъ, писаннымъ для кого нибудь! Прежде всего надобно сказать объ удовольствіи, какое онъ доставляетъ тому, для кого пишется: на примѣръ, я воображаю, какъ ты будешь рада, получивъ этотъ мелко-исписанный почтовой листокъ мой. Потомъ, какая польза и радость для того, кто пишетъ этотъ журналъ! Если онъ ошибается въ своихъ мнѣніяхъ, — его поправляютъ; если онъ говоритъ о пріятныхъ впечатлѣніяхъ своихъ, — они дѣлаются для него еще пріятнѣе, потому что ихъ дѣлятъ двое; если ему случится погрузить о чемъ нибудь — его утѣшаютъ участіемъ, и снова міръ Божій посвѣтлѣетъ для него, и слѣдующіе листки журнала его заговорятъ съ прежнею веселостію. Вотъ, сестрица, въ какомъ случаѣ я любила бы писать журналъ. Правда, тутъ много значить съ кѣмъ переписываешься: это долженъ быть другъ испытанный и снисходи-

тельный, другъ, какихъ мало на свѣтѣ, но какого Богъ послалъ мнѣ къ тебѣ, моя милая сестрица. Я давно желала писать для тебя журналъ мой, но это странно было-бы, пока мы жили вмѣстѣ и видались почти каждую минуту. Теперь же, когда я расстаюсь съ тобою на цѣлый мѣсяцъ, теперь это самый удобный случай исполнить и твое, и мое желаніе, тѣмъ болѣе, что я поѣхала только для удовольствія, и что тебѣ вѣроятно не придется ни бранить, ни утѣшать меня: и то, и другое скучно. Я сдѣлала для себя каникулы, по примѣру почти всѣхъ Петербургскихъ жителей, въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ: и оставивъ всѣ занятія мои, ѣду смотрѣть древнюю столицу нашу, которую такъ давно хотѣлось мнѣ видѣть; ѣду со всѣми удобствами путешествія непродолжительнаго; желаю сохранить всѣ впечатлѣнія, какія, безъ сомнѣнія, произведетъ на меня видъ драгоцѣнныхъ для насъ памятниковъ старины Русской; желаю передать ихъ душѣ, одинаково со мною чувствующей, и—тебѣ остается только читать длинныя посланія мои, и, если хочешь, передавать ихъ иногда дѣтямъ твоимъ: вѣдь они такъ просили меня при отъѣздѣ описывать какъ можно подробнѣе все, что я увижу въ Москвѣ. И

такъ, читай имъ изъ журнала моего то, что для нихъ можетъ быть любопытно и интересно, а нашей старшей, нашей умненькой Апютѣ, такъ какъ ужъ ей 16 лѣтъ, — ей ты можешь читать все, что я буду описывать: она вѣроятно не будетъ скучать за этимъ чтеніемъ.

Вотъ тебѣ какъ водится, у всѣхъ писателей, и предисловіе къ моему сочиненію Теперь приступаю къ началу журнала моего, съ той минуты, какъ мы разстались съ тобою.

ПЕРЕѢЗДЪ ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО НОВ- ГОРОДА.

Ты помнишь, тогда было дождливое утро. Какъ жаль, что ты не могла проводить меня до нашей милой Ольги Дмитріевны, изъ дома которой, мы сѣли въ дилижансъ Первоначальнаго Заведенія. Ты увидѣла бы какъ покойно мы помѣстились въ этой прекрасной каретѣ. Но я постараюсь дать тебѣ объ этомъ самое вѣрное понятіе. Вообрази дилижансъ въ три отдѣленія. Въ первомъ сидѣли: Ольга Дмитріевна, главная распорядительница въ нашей поѣздкѣ. Лиза и я. Никогда не ѣздивъ въ дилижансъ, можетъ быть, ты подумаешь, что намъ тѣсно бы-

ло сидѣть. Ни мало: не только тоненькая паша Лиза, но даже кто нибудь гораздо потолще се могъ бы сидѣть съ нами очень покойно. Во второмъ или среднемъ отдѣленіи, сидѣлъ Валеріанъ, и съ нимъ его дядя, другъ, наставникъ и неутомимый изыскатель—историческихъ древностей, Николай Дмитріевичъ. Крѣпкая стѣна раздѣляли эти оба помѣщенія, но мы отодвинули двѣ задвижки, подняли раздѣлявшую насъ стѣнку и очутились въ экипажѣ, чрезвычайно похожемъ на линейку желѣзной дороги. Не могу описать тебѣ, какъ весело ѣхать такимъ образомъ въ этой маленькой комнаткѣ и въ самомъ пріятномъ обществѣ. Николай Дмитріевичъ ѣхалъ въ седьмой разъ по этой дорогѣ, и потому ты можешь представить себѣ, что при своей любознательности и наблюдательномъ умѣ, онъ помнитъ почти всякое замѣчательное мѣстечко. Кромѣ того, у насъ есть еще маленькая книжка, гдѣ описано въ короткихъ словахъ все, что есть примѣчательнаго на этой дорогѣ. Но я еще ничего не сказала тебѣ о третьемъ отдѣленіи нашего дилижанса: оно уже не закрыто, какъ карета, но походитъ болѣе на коляску. Въ ней сидятъ наша общая теперь горничная, Катерина, а въ отдѣльной отъ нея,

пресмѣшной будочкѣ — кондукторъ нашъ. Теперь, милая сестрица, воображеніе твое можетъ живо представить тебѣ нашъ домикъ, очень быстро движущійся, и вотъ мы выѣзжаемъ за Триумфальныя ворота. Здѣсь пока еще такъ все знакомо тебѣ, что вовсе нечего рассказывать. Но вотъ первая примѣчательность на 8-й верстѣ: бывший Чесменскій дворецъ. Хотя ты знаешь его, но ужъ вѣрно не такъ подробно какъ теперь я, благодаря ученому спутнику нашему. Такъ какъ мы взяли весь дилижансъ только для себя, то можемъ останавливаться, гдѣ хотимъ; и такъ какъ мы ѣдемъ съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ нашего путешествія всю пользу и всѣ пріятности, какія оно можетъ доставить, то мы не хотѣли проѣхать Чесмы, не остановившись посмотреть ее. Молоденькіе наши путешественники, Лиза и Валеріанъ, очень обрадовались случаю выйти изъ кареты, и побѣжали съ дядюшкой своимъ впередъ. Мы съ Ольгой Дмитріевной старались также не отставать отъ нихъ, и подошли къ нимъ въ то самое время, какъ Николай Дмитріевичъ только что началъ рассказъ свой. Повторю его: Чесменскій дворецъ основанъ въ 1770 году по приказанію Императрицы Екатерины II-й въ воспоминаніе

славной побѣды, одержанной въ этомъ году Русскимъ флотомъ надъ Турками, при Чесмѣ, въ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи 24 Іюня. При дворцѣ есть и небольшая церковь во имя Крестителя. При входѣ въ нее представляется черная мраморная доска, вѣланная въ стѣну. Золотыми литерами означены на ней два важные дня для дворца Чесменскаго: *первый*, день заложенія его самою Императрицею Екатериною, въ присутствіи Шведскаго Короля Густава III го, гостившаго у насъ въ то время подъ именемъ *Графа Готландскаго*, и *второй*, 1780 года Іюня 24, день освященія церкви. Въ это время у Государыни былъ другой гость, Императоръ Римскій, подъ именемъ *Графа Фалкенштейна*. Въ день храмоваго праздника бываетъ здѣсь гулянье и ярмарка. Какая разница для Чесмы въ празднованія этого дня прежде и теперь! Рассказываютъ, что въ прежнее время, Государыня Сама пріѣзжала сюда со всеѣмъ Дворомъ Своимъ, присутствовала при обѣднѣ, и потомъ гуляла по ярмаркѣ. Этого еще мало: чтобъ оживить дѣятельность ничтожной ярмарки, Она покупала здѣсь на нѣсколько тысячъ рублей разныхъ галантерейныхъ вещей, и дарила ими Своихъ при-

ближенныхъ. Всего этого теперь нѣтъ, но зато теперь въ Чесменскомъ дворцѣ возносятся къ Богу молитвы, неслышныя тамъ прежде: Государю Императору Николаю Павловичу угодно было помѣстить здѣсь *Военную богадѣльню*. Какъ хорошо нынѣшнее назначеніе Чесменскаго памятника отвѣчаетъ первоначальной мысли его основанія: воспоминаніе Государыни о славной побѣдѣ прекрасно сливается съ мыслию Государя, успокоить старость заслуженныхъ воиновъ.

Въ заключеніе описанія дворца Чесменскаго скажу тебѣ, что мѣсто на которомъ построено онъ, называлось въ старинѣ *Каперекексина*. Это значитъ: *столица лягушекъ*. Знаешь ли на какомъ языкѣ? На Финскомъ. Недавно Николай Дмитріевичъ выучился и этому языку, во время путешествія по Финляндіи. Если бы ты видѣла, сестрица, какой у него даръ всему легко выучиваться и учить другихъ, ты очень пожалѣла бы, что твои старшія дѣти не путешествуютъ вмѣстѣ съ нами. Не только наши молодые спутники, но даже и мы съ Ольгой Дмитріевной надѣмся возвратиться изъ этого путешествія съ большимъ запасомъ разнообразныхъ знаній. Не подумай, чтобы онъ соединялъ съ этою уче-

ностью большую серьёзность, или что нибудь похожее на важный учительскій топъ Совѣтъ нѣтъ! Ничего не можетъ быть проще его рассказовъ и объясненій, и кромѣ того, онъ такъ мало думаетъ придать имъ какую-либо важность, что иногда прерываетъ самое глубокое разсужденіе при видѣ или красиваго мѣстоположенія, или какой нибудь веселой сцены. Такъ, напримѣръ, случилось у насъ вчера: проѣзжая одну деревню мы увидѣли нѣсколько дѣвушекъ и мужчинъ, которые пѣли хороводную пѣсню и презабавно кружились подъ голосъ ея. Николай Дмитріевичъ рассказывалъ въ это время что-то очень серьёзное, и вотъ при видѣ веселой толпы, онъ вскричалъ: «А! да что это, полно учиться! Запоемъ-ка лучше и мы пѣсню, или будемъ любоваться прекраснымъ вечеромъ! Стыдно такъ мало любить природу: посмотрите какая чудная погода теперь, а мы и не замѣчаемъ ее и не радуемся ей, какъ эти добрые люди!» И вотъ онъ въ такія минуту готовъ былъ и пѣть, и плясать, еслибъ только это возможно было въ дилжансѣ. Такая живость драгоцѣнна въ человѣкѣ ученомъ, и особенно полезна для молодыхъ спутниковъ нашихъ; они безпрестанно переходятъ съ нимъ отъ

серьёзнаго къ забавному, и опять отъ забавнаго къ серьёзному.

Но возвратимся къ нашему путешествію: боюсь, что оно гораздо тише подвигаться будетъ въ описаніи, нежели двигалось въ дѣйствительности. На 11-й верстѣ отъ Петербурга, видѣли мы большой каменный домъ, который нѣкогда былъ загороднымъ дворцомъ Императрицы Елисаветы Петровны; теперь въ немъ гостиница. Замѣчательно, что кромѣ четырехъ разныхъ дорогъ (въ Петербургъ, Москву, Царское село и Петергофъ) которыя здѣсь расходятся, и которыхъ направленіе означено четырьмя руками на столбѣ, отсюда Петръ 1-й предполагалъ провести прямо въ Москву протѣкъ. Говорятъ, что нынѣ при точнѣйшихъ измѣреніяхъ для Московской желѣзной дороги избрана почти та же самая линія.

Въ Ижорѣ намъ въ первый разъ перемѣнили лошадей, и такъ скоро, что мы не успѣли нагуляться, сколько бы хотѣлось. Ты знаешь, какъ Ольга Дмитриевна любитъ природу. И такъ неудивительно, что она часто встрѣчаетъ мѣста, которыя восхищаютъ ее, а останавливаться для нихъ невозможно. Вотъ это—по ея мнѣнію—важное неудобство дилижансовъ. Лиза,

напротивъ того, находить это очень полезнымъ для ея тѣтушки.» Иначе, *ma tante*, говоритъ она, вѣдь вы остались бы цѣлый день на какомъ нибудь хорошенькомъ пригоркѣ, или на берегу свѣтлой рѣчки.» Это и правда: я не знаю, что будемъ мы дѣлать съ нею, когда начнутся мѣстополюженія, гораздо красивѣйшія нежели тѣ, какія мы проѣзжаемъ теперь. Говорятъ что около Валдая есть прелестные виды, вовсе непохожіе на наши первыя станціи отъ Петербурга къ Новгороду. Однакожъ я еще не кончила рассказа моего о самой первой изъ нихъ, объ *Ижорѣ*. Она въ 30 верстахъ отъ Петербурга и получила названіе свое отъ рѣки *Ижоры*, напоминающей побѣду Александра Невскаго надъ Шведами. Сраженіе происходило на полѣ за 22 версты отъ столицы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ижора впадаетъ въ Неву. Я не прошу извиненія за такія подробности: ты сама просила меня не пропускать ихъ для дѣтей твоихъ. Впрочемъ, для чего бы и взрослымъ людямъ не вспомнить съ удовольствіемъ о славныхъ происшествіяхъ нашей исторіи, проѣзжая по мѣстамъ, гдѣ совершались они? Для всѣхъ насъ было это очень пріятно, и замѣтивъ такое расположеніе, Николай Дмитріевичъ рассказалъ